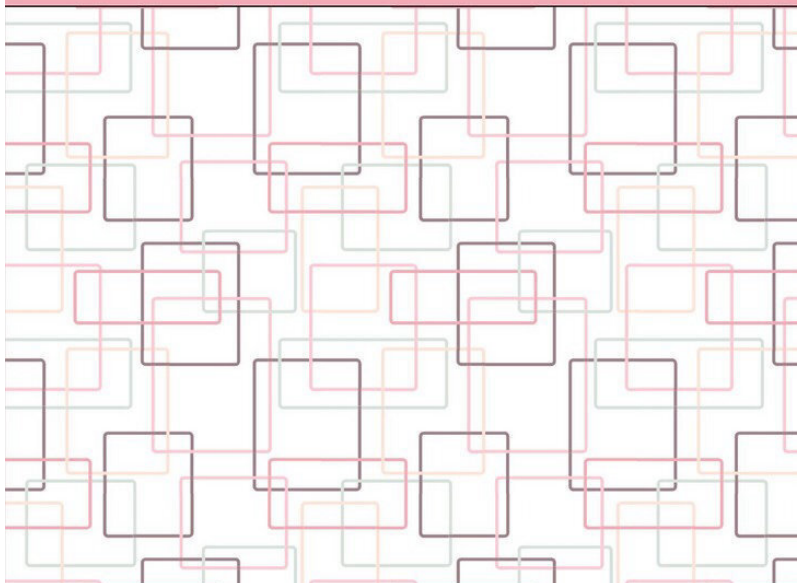

18+ Людмила Иртышская

РАССКАЗЫ

Непростые истории

Людмила Иртышская

Рассказы. Непростые истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73210603
ISBN 9785006913165*

Аннотация

Эти рассказы – о человеческой памяти, одиночестве и тихой силе повседневной жизни. О людях, живущих рядом с природой, прошлым и собственными чувствами. Внимание к деталям, сдержанная лиричность и внутренняя тишина делают эти тексты честным разговором с читателем о том, что остаётся с нами навсегда. В издании собраны рассказы разной тематики, от социально-психологической прозы до прозы пейзажной и мемуаров.

Содержание

СОЮЗ – ЦЕЛИНА	5
Людмила Иртышская	21
Облако смерти	22
ЧТО МОЖЕТ ЛЮБОВЬ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рассказы Непростые истории

Людмила Иртышская

© Людмила Иртышская, 2026

ISBN 978-5-0069-1316-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОЮЗ – ЦЕЛИНА

Ума не приложу, как могли встретиться в одном поезде мои дедушка с бабушкой в 1955 году. Если дед ехал из Саранска, а бабушка – с Сахалина. Оба ехали поднимать Целину. И где была пересадка, до какой станции они ехали – этого я уже не узнаю никогда.

Отодвинув от себя стакан в мельхиоровом подстаканнике, бабушка сказала:

– Больно горяч, обожду, пока чай остынет.

– Нам дали трое суток, чтобы мы покинули Макаров, – продолжала бабушка. – Отца освободили и сказали уезжать. Мы ещё не обжились, но опять куда то уезжать, когда нет денег, означало снова уезжать на страдания.. Но отцу (отчиму) нужно было уезжать. Во время ВОВ он был пекарем. Уже после войны он дал матери немного муки ночью – кто-то увидел. Отец Иван Егорыч подговорил одного, чтоб тот сказал, что в ту ночь видел мужчину. Мать оправдали, нас сослали. А отца посадили на восемь лет. Поэтому мать всю жизнь чувствовала себя обязанной. Чтобы между ними ни было. Мать оставалась с ним.

Мы страшно бедствовали. Страну нужно было поднимать

после разрухи войны. Жили в холодной кладовке. Рядом были поселения корейцев. Их депортировали. Дым и стон стояли по округе. Они со слезами на глазах жгли свои богатства: ткани, фарфор, атласные одеяла, шторы, ширмы, платья. Одна женщина-корейка подошла к матери и отдала ей одеяло. Под ним мы и спали.

Вещей у нас не было. Денег тоже. Страна была в упадке. А мать – с двумя маленькими детьми, вдова, как и большинство женщин в Союзе.

Я пошла на работу – в ночь, в пекарню, грузчиком. Носила на спине мешки с мукой. Засыпала прям стоя у стены, я ещё пятнадцатилетняя, не выдерживала ночные смены. Помню, там была тётъ Маня, она жалела меня, говорила: «Дочка, иди поспи чуток.

Поспишь малость – сможешь и ночь выдержать».

Я спала на складе, на мешках с мукой. Спасибо ей, жалели меня тогда взрослые женщины. Бабушка вдруг заплакала и тут же вытерла слёзы...

Когда отец вышел, помню, я плакала, что нам придётся бросить Володьку. Было очень жаль брата – ему нужно было со дня на день уходить в армию... Но мать поехала за этим идолом. Конечно, он спас нас от голодной смерти во время войны, но всё же он много горя принёс матери.

Тогда узнали что приглашают людей на Целину. Дают дома работу. Это было для нас спасением.

Помню, как стоял на берегу мой 17 летний брат – худенький, невысокий, сам не свой, потемневший от голода, лишений и предстоящей разлуки. Больше мы с ним не виделись...

Сломало тогда его одиночество.

Женился он потом на хорошей Нинке, да уже не сложилась жизнь...

А наш корабль навсегда отплывал от чужого берега. Ведь на Сахалин нас сослали из родной Казани именно из-за «отца».

Ох, как и качало корабль. Он ложился то на один бок, то на другой. Мы доплыли до большой земли, а там сели на поезд. И поехали в новую счастливую жизнь. Благословенная казахская земля, которая приняла нас с тёплыми объятиями и превратила мечты в быль.

Мы ехали в поезде втроём. К нам подошёл Володя и о чём-то разговорились. Красивый, молодой, статный, в белой рубашке. Умный – это сразу чувствовалось. Спросил, как моё имя. Я сказала – Наташа. Мне тогда казалось, такому умному, статному инженеру не понравится какая-то Зоя. Мне было стыдно назвать своё имя, тогда я стеснялась своего име-

ни. Мне было девятнадцать. Чёрные, как смоль, волосы, заплетённые в две косы, и каждая коса толщиной с запястье.

Мы разговаривали, и он мне сказал:

– Пойдёшь за меня замуж? Я сразу возьму, как приедем.

Я посмеялась, мол, да, соглашусь. Думала, это шутка, веселье ради разговора. Конечно, он мне сразу понравился. Но я и мечтать не могла, что это моя судьба.

Володя ехал в другой совхоз, где-то рядом, там и сошёл. После нас.

Мы приехали в совхоз Белогорье. Все – и мать, и отец, и я – устроились на работу. Нам дали красивый, чистый, тёплый дом. Это был для нас рай. Хватало и еды и топлива. Днём я работала, а ночью плакала от счастья. Не могла поверить, что мы живём в доме, а не в холодной кладовке, спим на кроватях – не на полу.

Чистые, белёные, новые дома стояли по совхозу. Трактора, жизнь, работа, веселье, счастливые, сытые люди.

Я устроилась продавцом в магазин.

А Володя, по приезде, поехал меня искать. Он поехал

к председателю совхоза – спрашивать, где живёт черноволосая молоденькая Наташа. Ему сказали – здесь нет. Он поехал в соседний совхоз, искал там. Потом снова вернулся в наш, стал спрашивать у людей. Потом присел на лавку отдохнуть возле райоотдела. Там был кто-то из рабочих, знакомых отца. Мужик курил. Володя – нет. Володя никогда за свою жизнь не пил, не курил, делал зарядку каждый день.

– Кого ищешь?

– Невесту, – ответил дед. – В поезде познакомились. Наташа, черноволосая такая...

Володя рассказал, какая я была весёлая и красивая, как шутила...

– Хм, – улыбнулся мужичок. – Так это ж не Наташа, а Зоя.

– Точно? Она Наташей назвалась...

– Пойдём, я тебе говорю, это точно она. Поглядим.

Пошли в магазин. И Володя увидел там меня...

Так я, Сафонова Зоя Фёдоровна, превратилась в Зою Ильину.

Володя перевёлся главным инженером к нам в совхоз.

Началась моя лучшая жизнь. Муж – главный инженер, уважаемый, умный человек. Семьянин. У меня тоже работа. У нас свой дом. Большой – три комнаты. Светло, тепло. Раз в месяц в совхоз привозили комоды, шифоньеры, мебель, какие-то предметы

«тогдашней «роскоши. Холодильники и так далее. Дед, конечно, доставал самое лучшее, потому что он получал большую зарплату, да и по статусу мог раздобыть что-то, что было в дефиците.

Он купил мне красивый комод. У нас появились шифоньеры, кровати, стол, стулья, покрывала, посуда, постельное бельё. Продовольствия хватало. Я пекла каждый день булочки, пироги. Запах стоял даже на улице. Соседи спрашивали: «Это у тебя из дома так пахнет, Михалыч?» – «Да, моя жена печёт». Приносил на работу похвастаться моими булочками. Я пекла пышные, мягкие, вкусные. А мужики приносили плоские да жёсткие, – рассказывал дед. А мне всего двадцать лет... Родилась первая дочь – Люда.

Дом наш стоял – метров десять и лес. Бор шумел. Иногда выйду на крыльцо – лес шумит, качается, темно, а мне страшно. В туалет выйти. А когда была гроза – помню, я молоденькая, глупая. Лес качается, припадает до самой земли, такие ветра у нас в степях были – ой-ой-ой. Молния как ударит. Степь, горизонт бесконечный, небо огромное. Молния

как сверкнёт – полнеба осветит. А я аж присяду на корточки, закрываю глаза, дыхание спирает. Страшно, ужас!..

Потом родились остальные дети – всего- четверо.

Дед купил светло-жёлтую корову Майю. Майка... Каждый день летом, после работы, он мыл её хозяйственным мылом, с щёткой.

Купили швейную машинку. Я сама детям шила одежду и постельное бельё. Пацанам – шортики и рубашки, девчатам – платица и платочки. Днём стелила бельё постельное белое, накидки на подушки. А на ночь меняла всё бельё – в цветочек.

Наш дом фотографировали в газету. Образцовый дом. Красиво было – невозможно! Китайская роза росла у нас большая, в зале. Стол деревянный, стулья. Как в музее было у нас дома.

Я тебе расскажу потом о зелёных грибах в небе над полигоном, и о том что случилось с Майкой, и о том как дед прошёл 50 км пешком ночью, чтобы охранять меня возле роддома.

Вот такая счастливая жизнь меня ждала на Целине, в Ка-

захстане. После голода, нищеты и страданий.

Тогда, в поезде, я вытянула счастливый билет.

Вздыхнула бабушка и потянулась к стакану в мельхиоровом подстаканнике.

Валенки

Иван Егорыч поднимался по скрипящим деревянным ступеням своего дома. Желтая лампочка над крыльцом замёрзла и едва светила. Шапка-ушанка его была в густом инее от дыхания. Ресницы и широкие брови были в обледеневших снежных хлопьях.

В сенях было холодно. Дед открыл тяжёлую дверь, обитую войлоком. Густой пар наполнил сени. Молча, одетым, зашёл в дом.

Анна Михайловна обрадовалась мужу:

– Ой, батюшки, Иван Егорыч, больно рано пришёл ты! – и громко хлопнула ладонями по коленям. Соскочила со стула, засуежилась по комнате.

Дед не спеша повесил дублённый короткий тулуп на трёхногую железную вешалку в углу комнаты. Шерстяной сви-

тер, шапку-ушанку и рукавицы прицепил прищепками к верёвке над печкой. Ватные штаны снимать не стал.

В комнате было темно от подернутых узорами окон. Узоры были и на внутренней стороне окна. Бархатные наросты не таяли, а красовались будто так и надо.

Айналма – кирпичная груба сегодня гудела сильнее обычного; громко трещали и взрывались угли в топке. Сороко-градусные морозы пришли в степь. Железные круги на печке были ярко-красные. На один из них хозяйка поставила казан разогревать суп.

– Печь-то как хорошо горит! – сказала Анна Михайловна. – Не зря ведь я сказала Елюбаю, чтобы колодцы почистил... он толк знает в печах.

– Сегодня исполком приезжал. Ходили, смотрели всё, проверяли пломбы, ведомости глядели. Довольные, что у нас всегда план перевыполнен... На складе порядок. Нас сторожей тоже похвалили.

Дед сел на низкий стульчик возле печки и захрюхтел, снимая валенки.

– Прихватило замок... Еле провернул! – Но закрыл...

Завтра опять на сутки.

Дед вытащил стельки из валенок и тоже повесил над печкой.

Потом рукой аккуратно смахнул растаявший снег с войлока и поставил валенки на картонку, специально для них оторванную от коробки.

Бережно поставил он их под наклоном к стульчику. Затем встал, примерил глазом, чуть отодвинул.

– Пойдём ужинать-то, Вань. – На столе, на клеёнке, уже стоял каравай. Женщина поставила казанок посреди стола на деревянную досточку и наливала лапшу мужу в тарелку. В комнате запахло чёрным перцем.

Иван Егорыч помыл руки в умывальнике холодной водой и прошёл к столу.

– Тапки здесь у кресла, Вань, я сегодня подошву подлатала.

Иван Егорыч сел за стол. Шипел электрический самовар.

– Ложку давай мою, деревянную. Суп больно горячий.

Хозяйка вытащила из кухонного стола большую деревянную ложку и положила на стол.

– Сегодня Зойка приходила. Всю ночь была. Утром ушла. Мы с ней чаю выпили два самовара, с мармАладом.

– Чего так? Мордвин «еёный» штоль обидел? – Дул на лапшу дед.

– Да где там, Зойка разве даст себя обидеть? Забыл разве, как дралась в детстве, ещё и за брата морду-то намылит...

– Так просто приходила, – Иван Егорыч...

Дед громко хлебал лапшу. От перца испарина выступила на его лысой голове.

– Утром собрание будет. Директор совхоза будет выступать с докладом по итогам проверки.

– А я хотела валенки надеть, управиться... Снег хочу почистить во дворе...

Самовар зашипел сильнее. Железный заварник стоял на печке. Синие кисешки с золотым орнаментом стопкой ожидали на столе. Анна Михайловна кинула щепотку чёрно-

го бархатного чая и соли в железный заварник.

Затем налила в кисешки молоко, добавила заварку до нужного красноватого цвета и подала.

Дед отрывал куски от карая и макал в густой жёлтый каймак.

– Ты мне нагрей воды, мать, побриться как встану.

Дед пошёл к своей кровати. Проходя мимо печки, повернул валенки другой стороной.

Две железные кровати стояли по обе стороны окна. Скинул ватные штаны на спинку кровати. Лёг и тут же уснул.

Хозяйка гремела на кухне. Снова поставила тесто на хлеб, мыла посуду в тазу, мела под столом.

Накинув старую шаль, вышла в сени. Занесла ведро с углём, поставила возле печки.

Иван Егорыч тихо храпел.

Красивые деревянные часы пробили полночь.

Через время и её железная кровать скрипнула. Хозяйка легла.

Через время железная кровать хозяйки снова заскрипела. Бабка проснулась, снова встала, пошла в кухню. Угли выгорели в печи. Она открыла печную заслонку и пошевелила кочергой тлеющие угли. Взяла ведро с углём, высыпала его в топку. Гулко загудело в печных колодцах. Аромат угольного дыма наполнил комнату.

– Нюра? Валенки там не близко стоят? Ты посмотри хорошо... Не обгорели бы, – беспокойно крикнул дед.

– Стоят, чего им будет?..

Дед встал нехотя, пошёл к печке. Взял в руки валенки, повертел их, потрогал – не помялся ли нос. Осмотрел, целы ли пришитая подошва от бабкиных валенок. Пощупал, высохло ли внутри. Снова поставил рядом с печкой на картон, опирая валенки на низенький самодельный стульчик, чтобы не упали. Ушёл, но вернулся, проверил, хорошо ли стоят. Вздыхнул, пошёл в комнату.

Луна ярко светила в комнату поверх белых льняных занавесок, пробиваясь сквозь густые морозные узоры. Иван Егорыч отодвинул занавеску, подул на окно, рукой отогре-

вая маленькое оконце. Ночь спала. Белые снега сверкающими дюнами лежали в синей степи.

Ни лая собак, ни звона цепей, ни шороха случайного прохожего в такой мороз не услышать в совхозе.

Хозяйка приоткрыла поддувало, расшевелила угли в печи. Обмяла сбежавшее тесто в тазу. Дождалась, когда угли хорошо возьмутся, закрыла поддувало. Прислушалась, есть ли тяга.

– Гудит... Окаянный мороз...

Дед спал на другом боку и не храпел. Анна Михайловна подошла, прислушалась, дышит ли.

Легла на свою кровать. Сквозь поверхностный тревожный сон ей послышалось, что где-то звякнуло железное ведро. Встала, обошла комнаты. Еле тикали настенные часы. Пошевелила угли, приоткрыла поддувало.

Включила газовую духовку. Выложила каравай на противень.

Поставила эмалированный таз с водой на печь.

– Нюра, валенки проверь, – крикнул дед, повернувшись на другой бок.

– Хорошо, хорошо, Иван Егорыч.

Бабка повернула валенки другой стороной и присела к плите проверять каравай.

Закипела вода в тазу. Часы пробили шесть раз.

Анна Михайловна вытащила горячий каравай из духовки, накрыла чистым полотенцем, поставила отдыхать. Разбавила воду в тазу, принесла ковшик.

– Вставай, Иван Егорыч!

– Иду, иду, мать.

Иван Егорыч встал, проверил валенки, пошёл умываться, побрился, передел бельё.

Анна Михайловна с тревогой смотрела на лицо мужа – недоволен ли чем.

Поставила ещё один каравай в газовую духовку.

Дед неторопливо пил чай с горячим караваем с каймаком, встал, оделся и пошёл к выходу.

– Мать! А где одеколон, ты мой дела?

Анна Михайловна в спешке вытерла руки от муки о фар-
тук.

– Да там же на комодѐ, Вань! Давеча видела.

– Не было там...

– Иду, иду... – Торопливо засеменила хозяйка по тканым
коврикам. – Уже несѐ, Иван Егорыч!

Людмила Иртышская

Облако смерти

Зима всегда сурова. Но в краях, где я родилась. В моих бескрайних казахских степях порой зима – синоним смерти. Суровость моего края велит меня гордиться им. Когда чёрное небо застывает куполом над тобой – ты понимаешь всю силу природы и свою безысходность перед ней. В степи нет гор, деревьев, моря, нечем прикрыть свою обнажённость, нечем смягчить удары жары и натиск мороза. Горжусь нашей зимой будто хочу сказать: я из тех краёв, где только сильный может выдержать жизнь.

Ещё с детства я помню запах мороза. Он другой. Помню запах поры, которая словно маленькая смерть приходит в наши края.

Зимнее утро, мне пять или шесть. Голос из радио: Казак радиосы... Каирлы тан... Играет домбра...

За окном чёрная ночь. Сплошные узоры на окнах. От белых батарей пахнет краской. Бабушка надевает на меня колючие колготки, носки, кофты. Шубу, валенки, шапку с резинкой вокруг головы и шарф по глаза. Варезки на резинке, продетые в петельку для вешалки. Санки. Мы выходим в зимнюю блестящую ночь. Снег мерцает в белых снеговых

дюнах. Снежинки переливаются под светом голубых фонарей. В нос ударяет тот самый запах снега, воздуха, который бывает лишь когда морозы под сорок. Нос склеивается. Я специально делаю вдох поглубже, чтобы ощутить: ого!... Точно слипается... Играю сама с собой, пока еду на санках. Снег громко скрипит. Не плачу... Понимаю – так надо. Мы закаляемся с самого детства. Таков мой край. И я его люблю.

Каким бы ни был, что бы ни приготовил мне. Я принимаю всё. Идти против природы, роптать на неё – значит идти против Всевышнего.

В степи труднее, чем в городе. В степи всегда холоднее. Ты наг и не прикрыт. И встречаешь идущую смерть готовым к ней. Белым облаком смерть приходит зимой. Всего несколько дней она расстилается на земле. Заполняет воздух, как яд.

Дышите вдумчиво... Ходите осторожно... Знайте меня! Говорит она живым душам. Я – зима. Великая силы природы. Дыхание смерти. Преклоняйте головы и смиряйте гордость.

Бойтесь меня! И помните: не все подвластно вам.

Дома, землянки в степи словно вжимаются в землю. Дым стелется над крышей, не уходит высоко вверх. Словно и он

преклоняет голову перед величием мороза. Природа наместник Всевышнего. Ничего не бывает бессмысленного в ее деяниях. Снега, снега в степи – это спасение зимой. Они укрывают селения от ветров, греют и освещают ночь.

В такой суровой зиме, с большими снегами, без щита, без укрытия – могут выжить только лошади. Настоящие герои. Источник жизни в степи. Лошади могут добывать еду из под наста и снега. Не величайшее ли создание и союзник для человека в этих северных широтах? Но даже и они иногда оказываются бессильными перед природой. Иногда в страшные годы бедствия, которые выпадают раз в десятилетия, весной степь бывает усыпана белыми костями. Тогда весной ветер громче особенного воет в степи от тоски.

Зима в степи может выбрать любого. Любой может уйти, не вернуться. Зима у нас в краях не прощает пренебрежения. А когда облако смерти уходит. Остаётся другая зима. Тяжёлая, но сильная. Когда жизнь не застывает, подобно белому дыму над домами. Когда она сверкает снегами под ослепляющим солнцем, когда все оживает, когда слышен птичий щебет. Да, у нас зимой тоже поют птицы.

Тогда чабаны напевают песенки, сидя на своих верных скакунах. Звонят подойники. Дети строят горки. А в городах громче звонят трамваи. Шумят люди в очередях. Толкутся и спорят. Над крышами высоток пролетают сороки. Иногда

в окно стучатся синицы. Зима в наших краях такая разная – яркая и веселая, как новогодние каникулы. А иногда суровая и печальная, как крик замерзающей птицы.

ЧТО МОЖЕТ ЛЮБОВЬ

1

Хотите верьте, а хотите нет. Любовь может всё.

Я до сих пор помню их глаза – они светились от счастья.

Двое людей улыбались, войдя в тёплую квартиру с мороза. Их щёки горели, как красные яблоки. Они присели на корточки в тесном, захламлённом коридорчике. Засаленная лампочка под потолком то и дело мигала. В квартире пахло подгоревшим молоком и опилками.

Маленький чёрный щенок доверчиво выбежал к ним навстречу. Он лизал им руки и вилял тощим чёрным хвостом. Смотрел на них преданным, детским взглядом, вывалив розовый длинный язык из пасти.

– Ну что, берут? Понравился им щенок? – крикнула бабушка.

Тусклый свет из её комнаты тоненькой полосой ложился на деревянные, слегка обшарпанные половицы зала.

– Бабушка, не мешай, они ещё здесь, – ответил внучок.

2

Муж и жена радостно глянули друг на друга и, вытирая руки от щенячьих ласк, встали во весь рост.

– Мы очень рады, что встретили вас. Так неожиданно... совсем... сбылась наша мечта, – сказал молодой мужчина в запотевших очках.

– Я тоже рада, что встретила вас. Теперь мой малыш будет в надёжных руках.

Люба протянула молодому мужчине щенка. Слеза сверкнула в её левом глазу. Иногда она так плакала – одним взглядом, когда плакать было нельзя. На сердце у неё было тяжело.

Мужчина расстегнул черный норковый полушубок и засунул туда щенка, аккуратно поддерживая его снизу. Маленькая чёрная морда выглядывала из-под полы и выглядела очень серьёзной.

Женщина сняла со своего супруга очки, вытерла салфеткой стёкла и снова надела их на него.

3

Они стояли ещё некоторое время – такие холёные, счастливые, богато одетые. А худенькая, бледная Люба рассказывала им, как нужно ухаживать за щенком, чем кормить, как дрессировать.

Они кивали головами и говорили о том, что она будущий педиатр, и у них очень воспитанный ребёнок и с этим собачьим ребёнком они уж точно справятся.

Они вышли со щенком из её квартиры в свою новую жизнь.

Дверь скрипнула.

Три раза провернулся замок.

Наступила тишина.

Любе было так плохо, будто она совершила преступление.

4

Она продала последнего щенка из помёта своей Пальмы – щенка, которого полюбил муж и которого они собирались оставить.

Но непредвиденные обстоятельства заставили их покинуть загородный дом и Пальму и временно, на зиму, переехать в городскую квартиру.

У Любы слегла мать. Ей нужно было каждый день готовить еду и помогать передвигаться по дому. Муж Любы уехал на два месяца в командировку.

Люба понимала, что за щенком ей придётся ухаживать самой. В городской квартире это было тяжело. Поэтому, не посоветовавшись с мужем, она приняла решение – щенка продать.

5

Люба посмотрела в окно. Синяя морозная ночь висела над городом. Эти люди шли, оставляя следы на свежем снегу, и почему-то громко смеялись.

У Любы сжалось сердце в груди.

Она принялась разбирать деревянную загородку в коридорчике, которую смастерил муж для щенка.

Он приговаривал, когда стучал молотком

– Ну вот, Джазик, здесь будешь зимовать. Тепло, лежи себе и сопи. Маманька наша о тебе позаботится.

Снова противное, тягучее чувство посетило Любино сердце. Снова ей стало противно и неприятно от своего поступка, как будто она совершила предательство.

– Да почему же так тяжело? – сетовала она на себя. – Почему мне так горько?

«Щенок в зиму, да ещё в квартире – не лучшее соседство. На следующий год Пальма родит, тогда и оставим мальчика», – думала Люба, складывая деревянные доски в одну кучу.

Она собирала веником опилки, и слёзы уже из двух глаз брызнули на чистый пол.

Позже дома все улеглись. Муж, слава Богу, сегодня не позвонил – а то, чего доброго, Люба сболтнула бы ему о своём поступке.

Лёжа в тёплой постели, Любе не спалось. Она ворочалась. Когда засыпала, ей тут же виделись кошмары: о том, что щенка не полюбят, о том, что он отморозит лапки в своей будке, о том, что он будет мёрзнуть всю зиму.

Она бесконечно просыпалась от того, что её сердце выпрыгивало из груди.

Люба встала и подошла к окну. Она прислонила горячий лоб к холодному стеклу. Синяя зимняя ночь превратилась в белую. Следы этих людей были засыпаны свежим пушистым снегом. С белого неба, кружась, летел снег. От тёплых батарей пахло краской.

Вдруг ей послышалось, что где-то скулит щенок...

Люба вздрогнула, открыла окно. Холодный воздух обжёг её лицо, колючие снежинки таяли на щеках.

Люба миллион раз прокручивала в голове слова о том, что завтра же позвонит им и скажет:

«Извините, так и так, возьмите деньги. Муж узнал, требует щенка назад...»

Люба снова улеглась. Мысль о том, что завтра она вернёт щенка домой, дала ей возможность успокоиться и уснуть.

9

Утром ее первой мыслью, пронёсшейся в голове, была: как вернуть Джазика назад – и вернуть ли?

Эти люди посмеются над ней. Так ведь дела не делают. Всё-таки хорошая семья. Чего сомневаться?

Всё утро Люба ходила сама не своя, словно в горячке, ломала голову, как же ей теперь поступить.

Раздался звонок. Это была вчерашняя покупательница. Её тихий голос не понравился Любе.

– Я хотела спросить, щенок точно здоров? Почему он всё время лежит?

Люба, не найдя в себе силы сказать: «Верните щенка», сказала лишь:

– Я не знаю, почему он спит. Он же ещё маленький.

– Ладно, – заявила вчерашняя милая девушка, переставшая быть милой. – Посмотрим. Хотелось бы, чтобы он был поживее!

Люба обрадовалась возможности наконец сказать, что она хотела бы забрать его назад.

– Знаете, я подумала: если вы не справитесь, то я готова взять его назад. Могу забрать его прямо сейчас.

– Нет, не надо. Посмотрим. Думаю, у него адаптация. До свидания.

Люба положила трубку. В сердце словно вонзили раскалённую иглу. И болело, и пекло.

Как же больно, – подумала Люба. – Как же забрать его теперь? Они не отдадут его, даже если вернуть деньги. Позволить мужу? И что я ему скажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.